

ГАСТРОЛИ КАУНАСЦЕВ В ВИЛЬНЮСЕ

Во время нынешних гастролей в Вильнюсе Каунаеский драматический театр показал столичным зрителям три спектакля, которых вильнюсцы еще не видели. Это — «Калигула» А. Камю, «Крик» Т. Уильямса и «Всегда одно и то же» Э. Миклунайта. Два первых режиссировал руководитель театра И. Вайткус, «Всегда одно и то же» — Г. Падегимас. Оба режиссера остались верными себе.

Г. Падегимас последовательно делает национальную драматургию. Он, пожалуй, единственный наш режиссер, который не ждет очередного фестиваля, чтобы срочно гнаться за постановку литовской пьесы и забыть о ней до следующего такого мероприятия (не секрет, что осенний фестиваль национальной драматургии «стимулировал» наших режиссеров к постановкам оригинальных пьес). Г. Падегимаса не пугает несовершенство произведений наших авторов, он умеет отыскать своеобразную, интересную мысль, идею в этих пьесах, найти в них поэзию, мудрость, благородные чувства, неповторимые характеры — вспомните «Янтыраую виллу» Ю. Грушаса и прекрасный дуэт А. Казрагита и А. Масюлиса в ней. В пьесе Э. Миклунайта «появились» давно забытые самим театром (но не зрителями) Р. Варнайте и В. Эйдукайтис, которые вместе с режиссером сбросили когда-то приклеенную к ним этикетку комиков.

Ионас Вайткус в «Калигуле» и «Крике» продвигает свою линию романтико-индивидуалистического театра, которая начала формироваться лет десять назад (вспомните «Пилигрима мечты» с его конфликтной художественной индивидуальности и общества, не понимающего и презирующего ее) и стала скончательной доминантой приблизительно в 80-х годах, когда один за другим появились «Строитель Социес» Г. Ибсена, «Кинг» Ю. Глизижиса, «Шарунас» В. Креве, «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, «Калигула» А. Камю, «Крик» Т. Уильямса.

В центре этих спектаклей — выдающаяся личность, обычно свободная от каких-либо обя-

ТЕАТР ИДЕИ ИОНАСА ВАЙТКУСА

зательств перед обществом, уверенная, что она переросла это общество интеллектуально и эмоционально, что обрела свою эпоху — и поэтому чуждая и этому обществу, и этой эпохе. Яркая но дисгармоничная, могущественная, но страдающая, пытающаяся делать другим добро ценой жизни и страданий этих «других», стремящаяся к высоким целям низменными средствами. Таковы Соальнес Ибсена, Шарунас Креве, Александрас Глинскиса. Калигула Камю — как их понимает, трактует, трансформирует Ионас Вайткус в соответствии с идеей своего романтико-индивидуалистического театра, идей, корни которой — в традициях театра первой четверти XX столетия, обогащенных концепцией философии экзистенциализма, опытом западноевропейского театра и, наконец, чертами сложной, яркой личности самого И. Вайткуса. Эта модель романтико-индивидуалистического театра И. Вайткуса последовательно, в последние годы даже, может быть, слишком последовательно, уверенно конструируется на основе любой драматургии (возможно, поэтому на сцене каунаесского театра Креве делается прижизненный Камю, тот, в свою очередь, — на Ибсена, а все они вместе — на Глинскиса). Это театр Ионаса Вайткуса — его можно любить или не любить, он может нравиться или раздражать, он может шокировать, может не считаться с желаниями, вкусом, духовным комфортом зрителей. Но это — яркая, неповторимая, напоминающая «других», но не похожая на них художественная структура. И надо радоваться, что у нас есть такой театр, что каунасцы вместе с Молодежным театром представляют из себя то, что составляет богатство нашего сегодняшнего театра, то, что венчает его существование.

В старене от этой модели, казалось бы стоят «Синие кони на красной траве» М. Шатрова. Откровенно говоря, И. Вайткус и это произведение пытался повернуть в направлении своего театрального мышления. Но структура, духовная природа героя в пря-

мом смысле этого слова, того положительного героя, по которому давно тоскуют во всех театрах (в спектакле это личность В адмирала Ленина), противопоставлялись режиссерскому замыслу. И спектакль развивался не двум как бы не имеющим ничего общего линиям — газетов их гротескной и трагедийной. Последняя связана с Юозасом Будрайтисом, стремящимся углубиться в мысль Ленина, глядя на Ю. Будрайтиса, представляешь себе и величайшего мечтателя, и практика, охваченного повседневными заботами, и глубочайшего философа, и страстного полемика — Ленина в самых разнообразных проявлениях. Думаю, что то, чего достигли Ю. Будрайтис и И. Вайткус этим героем, является огромным достижением нашего театра, которых мы еще долго будем гордиться и которого еще долго будем ждать, зная, что такой уровень интеллектуально-эмоционального театра нам по силам.

Именно потому, что в центре спектакля личность столь колоссального масштаба, ее антагонисты решены совершенно в другом «ключе». Это не контрапунктное решение спектакля, это все же несколько решений, которые пытаются уместить в один спектакль. Не всегда, к сожалению, удачно.

Пожалуй, миниге из театралов ожидали, что И. Вайткус может взяться за постановку «Крика» Т. Уильямса (не думаю, что ему близок, скажем, Чехов — у каждого режиссера есть «свой» автор, свои проблематика, стилистика). Наконец, и план был несколько иным — обсуждались разные кандидатуры для постановки этой непростой пьесы. Только актерский состав не вызывал сомнений — А. Казрагита и В. Шницарюкас, которые и индиррировали эту постановку. Закончилось все тем, что И. Вайткус стал художественным руководителем постановки, а режиссера так и нет, ибо фамилию того постановщика, который режиссировал, но до конца не справился с произведением, театр не называет. Ну

что ж, пусть будет художественный руководитель. Голька не подумайте, что режиссеры «Крика» — А. Казрагита и В. Шницарюкас. Думаю, они трагедии бы эту пьесу до-инному. Не так болезненно, не с таким глубоким проинкорвением в аномалии психики, эмоций, интеллекта. Так что, и в «Крике» легко просматриваются черты И. Вайткуса, его интерес к дисгармонии, духовному дискомфорту, «ненормальности» человеческой личности, которая из самом деле является признаком нормальности человека.

Эта статья — не рецензия, поэтому более подробный анализ «Крика» отложим на другой раз и оставим другим — спектакль стоит этого. Скажу лишь, что не хотелось бы согласиться с коллегами, которые разгромили его на страницах «Литература ир мянас». Вряд ли следовало оценивать «Крик» «по-уильямсовски», а не «по-вайткусовски». Ведь И. Вайткус художник такой силы, такого масштаба, что даже столь выдающиеся драматургические фигуры, как В. Креве или Г. Ибсен, окрашиваются цветами его режиссерской палитры, говорят с его интонациями. С другой стороны, в отличие от большинства своих коллег И. Вайткус не интерпретирует ту или другую пьесу, а пользуется ею как материалом для своего театра, своего спектакля. С этим можно соглашаться или не соглашаться — но верить это необходимо. Наконец, нас интересует сам феномен театра Вайткуса, а не его умение более или менее точно переводить литературу (драматургия все же жанр литературы) для сцены, то есть на язык другого вида искусства. Другое дело, что на этот раз И. Вайткус воспользовался не «своим» маршбродом, из которого пытался построить свое сооружение. Именно там, где манера, природа, интересы Т. Уильямса соотновляются с принципами творчества И. Вайткуса, театр и в первую очередь актеры, потерпели убытки. Каждый, кто знаком с творчеством А. Казрагита и В. Шницарюкаса, понимает, что эти актеры, будь режиссером «Крика» кто-либо другой, выглядели бы изысканно; их походы от «театра к жизни» и обратно, экскурсы в далекое и недалекое

прошлое, их любовь — мука, любовь — ненависть, тоска, жажда, боль, вся сложнейшая гамма переживаний двух несчастных и одиноких людей была бы окрашена, пожалуй, в импрессионистские тона. Теперь же приходится акцентировать фрейдистско-морганстические мотивы взаимоотношений героев, которые, возможно, и присутствуют в этой поздней пьесе Т. Уильямса, но спрятаны слишком глубоко и необязательно.

Из трех новых впервые показанных вильнюсцам постановок наилучшим образом подчерк творческие стремления и интересы И. Вайткуса отражает «Калигула» А. Камю. Это спектакль, в котором последовательно продолжается линия романтико-индивидуалистического, метафорического театра И. Вайткуса («Кинг», «Шарунаса», «Короля Усёр»). Читатели, я полагаю, уже знают, что то, во время гастролей показывали каунасцы, — второй вариант одноименного спектакля. Так как первый видели (к сожалению) немалгие, будем говорить лишь о спектакле, главную роль в котором играет В. Масальскис. Критики уже так или иначе пытались разгадать секрет этой постановки. А секрет этот действительно существует — чем же привлекателен, чем же интересен для нас император Калигула, несущий людям добро ценою их счастья и жизни, страдающий за все человечество и презирующийся это человечество, абстрактно мыслящий гуманист и конкретно действующий тиран? Трудно это объяснить — но искусство тем и отличается от других форм сознания, что в нем не все объяснимо. Тем более в спектаклях И. Вайткуса, где эта тайна еще сильнее зашифровывается где позиция режиссера определяется по формуле «да, но...». В «Калигуле» И. Вайткуса, как и в предыдущих, уже упоминавшихся постановках, переплелись трагедия и буффонада, вечность и злоба дня, философичность и едкая ли не цинковая реприза, величественность и мизансета, психоанализ и парапсихология, эстетика и поэзия, логика и абсурд, «расплывчатость» этих граней, внезапный и вместе с тем незамечный переход из одной

плоскости в другую, этот баланс между трагедией и буффонадой прекрасно чувствовал Р. Адомайтис, прекрасно чувствует А. Масюлис. Значительно труднее приходится актерам последовательно рождающейся психологической мысли и эмоциям, еще труднее тем, кто не получил больших ролей и, оставшись без «авторского напора», лишь пребывает на сцене. Нелегко дается роль В. Масальскису — с одной стороны, мы видим несомненное мастерство этого актера, его незаурядные способности; с другой — ему не хватает глубокого осмысления и проникновения, в которых смысл в сути Калигулы, где скрываются тайны, куда уходят корни его отталкивающей притягательности, публично одиночества, буффонного трагизма. Думаю, что к «Калигуле», как и к «Крику», нам еще придется вернуться. Не стоит в одной обзорной статье братья одновременно за такие различные и такие знаменательные не только для творчества Ионаса Вайткуса постановки. На этот раз я старался лишь начертить контуры театрального феномена, который мне хочется назвать театром идеи И. Вайткуса. Насколько мне это удалось — судить читателям.

Эгмонтас ЯНСОНАС,

НА СНИМКЕ: Валентинас Масальскис в роли Калигулы.

Фото Владаса Жиргулса